

Туманы

Молодой рыцарь ехал в сопровождении оруженосца. Они возвращались из похода, ехали долго и кони под ними притомились. У них впали бока и они так исхудали, что каждый мускул, каждая косточка ясно обозначались через кожу. Но путь был еще далек, он шел через долину которую все избегали потому, что там очень часты были туманы, до того густые, что в них легко можно было заблудиться. Старый оруженосец знал об этом и предупредил рыцаря, чтобы тот был осторожным и объехал долину, но рыцарь торопился домой, горел желанием увидеть и обнять старых родителей и пренебрег советом слуги.

Пришпоривая тощие, ввалившиеся бока коня, он ехал, беззаботно мурлыча песенку и любуясь далью, горевшей в золоте заката.

Старый оруженосец ворчал под нос и, оглядываясь с недовольным видом, ехал сзади.

Там, где погас последний отблеск заката, из земли, покрытой скудной растительностью, поднималось что-то белое и длинное, подобное кисее, и разрасталось по всему горизонту.

-- Что это? -- спросил рыцарь.

-- Это и есть туманы! -- отвечал оруженосец, -- вредные, ядовитые, -- добрый господин, покуда еще есть время -- свернем в сторону!

Но рыцарь, привлеченный интересным зрелищем, не давши ответа, пришпорил коня.

Старый оруженосец ехал молча, не озираясь, сердито смотря на шею своего усталого коня и ничего не слыша, но юноша, вперивший изумленный взгляд в пространство, видел ясно, как женские фигуры, происходившие из туманов, принимали различные положения и то неслись с боку, то быстро проскальзывали вперед и как бы увлекали за собою и коня и его всадника.

В то же время напряженный слух рыцаря поражался какою-то дивной мелодией, неизвестно откуда и каким образом распространявшейся вокруг.

Поддавшись необъяснимым чарам болота, рыцарь ехал всё вперед и вперед не обращая внимания на слугу, не заботясь о том, следует ли он за ним.

Вдруг конь его остановился у рва, через который был перекинут подъемный мост.

Рыцарь поднял голову и сквозь туман увидел очертание старинного замка с зубчатой стеной и бойницами по углам.

Он дал шпоры коню, кованые подковы застучали по чугунным плитам моста и рыцарь въехал во двор замка.

"Какие большие окна и ни у одного нет ни стекол, ни запоров! -- сказал про себя рыцарь, осматривая замок, -- ну, всё равно, я проведу ночь тут!"

Он сел в стоявшее у окна бархатное кресло и задумчиво подпер голову рукой. Туманы-женщины окружили его, и все они были так одинаково хороши, тонки и изящны, что нельзя было отдать, преимущество ни одной. Рыцарь любовался их красотой, упивался тонким, раздражающим благовонием, разливавшимся от них в сыром и теплом воздухе, заслушивался чудной, невидимо, откуда исходившей, музыкой.

Рассвет застал его в кресле. Туманы исчезли, но у рыцаря не было сил, не было воли подняться и продолжать путь.

В каком-то сладком расслаблении он сидел и ждал наступления вечера и нового появления туманов.

Никакие убеждения старого оруженосца не действовали на него; он остался и был награжден появлением еще более красивых женщин, их нежными ласками, их объятиями и душистыми поцелуями и музыкой, продолжавшейся до утра.

Рыцарь влюбился в туманы и забыл обо всем. Каждое утро, когда оруженосец напоминал ему об отъезде и об ожидавших, его родителях, он был так расслаблен, так неподвижен, что не мог подняться с кресла и тяжело засыпал, откинувшись на его бархатную спинку.

А время шло. Умер старый оруженосец, околел конь рыцаря, истерлись спинка кресла и бархатное одеяние рыцаря, изветшали сапоги с серебряными шпорами, сам рыцарь постарел, осунулся и у него выросла длинная седая борода.

И всё-таки, как прежде, когда он был молод и только что приехал в этот замок, рыцарь каждый вечер садился к окну и ждал туманов, ждал их объятий, душистых поцелуев и чудной музыки их неясных речей в сладком упоении заставлявшей его забывать весь мир...